

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков

Несколько лет назад доктор Фрике задал мне и Ллойдю вопрос, на который теперь я попытаюсь ответить. Погладив с мечтательной улыбкой убогатворенного ученого соединяющую нас толстую хрящевую связку, – *omphaloragus diaphragmo-xiphodidymus*[1], как выразился в схожем случае Панкоуст, – он осведомился, можем ли мы припомнить самый первый случай, когда один из нас или мы оба осознали необычайность наших обстоятельств и нашей судьбы. Все, что вспомнилось Ллойдю, – это как наш дедушка Ибрахим (или Аким, или Ахем – неприятная груда мертвых звуков на наш нынешний слух!), бывало, гладил то, что погладил доктор, и говорил – «золотой мост». Я промолчал.

Наше детство прошло в доме бабушки недалеко от Караца, на вершине тучного холма, над Черным морем. Младшую из его дочерей, розу Востока, жемчужину седого Ахема (коли так, старый прохвост мог бы приглядывать за нею получше), обесчестил в придорожном саду наш безымянный родитель, и едва породив нас, она умерла – полагаю, единственно от ужаса и печали. Одна серия сплетен указывала на венгерского коробейника, другая отдавала предпочтение немецкому коллекционеру птиц либо кому-то из членов его экспедиции – скорее всего, таксидермисту. Сумрачные тетки в тяжелых ожерельях, в балахонистых платьях, пропахших бараниной и розовым маслом, с отвратительным рвением ухаживали за нами в пору нашего чудовищного младенчества.

В окрестных деревнях скоро прознали о поразительной новости и принялись засылать к нам на двор разного рода любознательных чужаков. В праздничные дни мы видели, как они карабкаются по склонам нашего холма, будто пилигримы на цветной картинке. Среди них был пастух в семь футов ростом и лысый человечек в очках, и солдаты, и растущие тени кипарисов. Приходили и дети – во всякое время, – и наши ревнивые няньки пинками гнали их прочь; но почти ежедневно какой-нибудь черноглазый, коротко остриженный отрок в выцветших до голубизны штанах с темными заплатами исхитрялся пролезть сквозь кизил, жимолость и сплетенные стволы иудиных деревьев в мощный дворик со стареньким студеным фонтаном, где под выбеленной стеной тихо сидели, посасывая урюк, малышки Ллойд и Флойд (в то время мы носили иные имена, полные вороньих придыханий, – ну да не важно). Тогда, внезапно, «Ж» сталкивалась с «К», римская двойка с единицей, ножницам являлся нож.

Нельзя, конечно, и сравнивать этот познавательный толчок, каким бы ни был он будоражащим, с эмоциональным ударом, постигшим мою мать (и кстати, сколько чистого блаженства в таком намеренном применении притяжательного в единственном числе!). Мама должна была сознать, что рождает двойню, но узнав, как она несомненно узнала, что двойня оказалась спряженной, – что испытала она тогда? При той несдержанной, невежественной, неистово говорливой родне, что нас окружала, вопль домочадцев должен был подняться прямо у ее измятого ложа, сразу дав ей понять, что случилась какая-то страшная беда; да можно с уверенностью сказать даже, что в горячке испуга и сострадания сестры показали ей двойное дитя. Я не говорю, что мать не может любить такое сдвоенное существо – и забыть в этой любви о темной росе его неблаготворного зачатия; я только думаю, что смесь отвращения, жалости и материнской любви оказалась ей не по силам. Обе части двойного комплекта, возникшего перед ее испуганным взором, были здоровыми, миловидными маленькими частями с шелковистым светлым пушком на лиловато-розовых крохотных головках, с хорошо сформированными каучуковыми ручками-ножками, двигавшимися словно щупальца какого-то диковинного морского животного. Каждая была явно нормальной, но вместе они образовали чудовище. И впрямь, странно думать, что простая полоска ткани, ломоть плоти размером не более печени ягненка способен превратить радость, гордость, нежность, обожание и благодарность перед Господом в отчаяние и ужас.

В собственном нашем случае все было много проще. Взрослые слишком отличались от нас во всех отношениях, чтобы понуждать к какому-либо сравнению, но первый же сверстник, нас посетивший, явил мне маленькое откровение. Покамест Ллойд безмятежно созерцал пораженного жутью ребенка лет семи или восьми, который глазел на нас из-под горбатого и столь же глазастого инжира, я, помнится, вполне уяснил существенное различие между собой и этим новым лицом. Он отбрасывал на землю короткую синюю тень, я тоже; но в добавление к этому схематичному,

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru плоскому и нестойкому спутнику, которым и он, и я были обязаны солнцу, и который покидал нас в пасмурную погоду, я обладал еще одной тенью, осязаемым отражением моего телесного я, бывшим всегда при мне, всегда слева, тогда как мой гость как-то сумел потерять свою тень или отстегнуть и оставить дома. Соединенные Ллойд и Флойд были нормальны и полноценны, а этот – ни то ни се.

Но может быть для того, чтобы прояснить этот предмет в той полноте, которой он заслуживает, я должен что-то сказать о еще более ранних воспоминаниях. Пожалуй, – если только повзрослевшие чувства не заслонили более ранних, – я мог бы положительно засвидетельствовать воспоминания о легком отвращении. Вследствие нашей передней спаренности мы изначально лежали лицом друг к другу, соединенные общим пупом, и в те первые годы нашего существования мое лицо непрестанно терлось о твердый нос и мокрые губы моего двойника. Естественным следствием этих утомительных соприкасаний стала у нас привычка откидывать головы и отстранять по возможности дальше лица. Значительная гибкость соединявших нас уз позволила нам взаимно принять более или менее боковую позицию, и научившись ходить, мы так и ковыляли бок о бок, что могло представляться требующим гораздо больших усилий, чем оно было на деле, думаю, мы походили на парочку пьяных гномов, подпиравших один другого. Во сне мы еще долго возвращались в утробную позу; но всякий раз что ее неудобство нас пробуждало, мы вновь с отвращением отвращали лица и раздражались сдвоенным ревом.

Я утверждаю, что года в три, в четыре наши тела смутно невзлюбили их неловкое сопряжение, хотя сознания и не задавались вопросом о его нормальности. Затем, прежде чем наши умы уяснили его недостатки, телесная интуиция обнаружила средство умерить их, после чего мы вообще о них не задумывались. Каждое наше движение стало сводиться к благоразумному компромиссу общего с отдельным. Рисунок действий, вызванных той или этой взаимной нуждой, образовывал своего рода серый, гладкотканый, абстрактный фон, по которому отдельный порыв, его или мой, следовал канве более яркой и резкой, но (направляемый, так сказать, изгибами основного узора) никогда не шел поперек общего плетения или же прихоти двойника.

Я сейчас говорю исключительно о нашем детстве, о поре, когда природа еще не могла позволить нам подорвать нашу с трудом завоеванную живучесть каким-то взаимным конфликтом. В поздние годы мне случалось пожалеть, что мы не погибли или не были разделены хирургически еще до того, как миновали эту начальную стадию, на которой только вечноприсущий ритм, подобный дальним ударам там-тама в джунглях общей нервной системы, и отвечал за настройку наших движений. Когда, например, один из нас почти наклонялся, чтобы сорвать цветочек, а другой именно в это миг тянулся за созревшим инжиром, персональный успех зависел от того, чье именно движение совпадало с сиюминутным биением нашего общего неуимчивого ритма, и тут же с кратким, как при виттовой пляске, содержанием, прерванный жест одного близнеца утопал и истаявал в обогащенной им зыби завершеного жеста другого. Я говорю «обогащенной», потому что призрак несорванного цветка, казалось, тоже мрел, трепеща между пальцами, охватившими плод.

Могли проходить недели, а то и месяцы, в которые направляющее биение чаще принимало сторону Ллойда, а не мою, потом наступал черед мне оседлать гребень волны; но я не могу припомнить из нашего детства ни единого случая, когда невезение или успех по этой части возбудили бы в ком-либо из нас негодование или гордыню.

Впрочем, где-то во мне, верно, сидела чувствительная клетка, дивившаяся странной силе, вдруг относившей меня от предмета случайного вождения и тащившей к иным, нежеланным вещам, которые вталкивались в круг моей воли вместо того, чтобы ждать, пока ее усики сознательно достигнут их и оплетут. Поэтому, следя за тем или этим ребенком, следившим за Ллойдом и мной, я, помнится, решал двойную проблему: во-первых, не больше ли преимуществ в одиночной телесности, нежели в той, которой мы обладаем; и во-вторых, все ли прочие дети – одиночки. Теперь мне приходит в голову, что очень часто проблемы, которые я пытался решать, были двойными: возможно какие-то помышления Ллойда струйками проникали в мой разум, и одна из соединенных проблем принадлежала ему.

Когда алчный дедушка Ахем решил за деньги показывать нас посетителям, в валом повалившей толпе всегда находился мерзавец, желавший послушать, как мы беседуем. Как часто бывает у простоумных людей, ему требовалось, чтобы уши подтвердили то, что видят глаза. Наша родня понукала нас удовлетворять желания этого рода и

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru никак не могла уяснить, что в них такого мучительного. Мы могли бы сослаться на застенчивость, но правда состояла в том, что мы никогда по-настоящему не говорили друг с другом, даже наедине, ибо краткое отрывистое ворчание нечастой укоризны, каким мы обменивались порой (когда, к примеру, один порежет ногу и только ее забинтуют, как другому приспичит плескаться в ручье), вряд ли могло сойти за беседу. Передачу основных простых ощущений мы осуществляли без слов: то были опавшие листья, плывшие по течению нашего общего кровотока. Мыслям побожже тоже удавалось кое-как просочиться, и они блуждали между нами. Те, что побогаче, каждый держал при себе, впрочем и тут случались явления странные. Вот почему я подозреваю, что Ллойд, хоть он и был от природы тише, чем я, боролся с теми же новыми сущностями, что смущали меня. Он многое забыл, когда вырос. Я не забыл ничего.

Публика не только ждала от нас разговоров, ей также было угодно, чтобы мы вместе играли. Остолопы! Их едва карачун не хватал, когда мы принимались сражаться в шашки или в «музлу». Я полагаю, что окажись мы разнополюми близнецами, они вынуждали бы нас при них предаваться кровосмесительству. Но поскольку игры друг с другом были для нас не привычнее разговоров, мы испытывали тайные муки, когда приходилось неуклюже перекидывать мяч на уровне груди или притворяться, будто мы вырываем палку один у другого. Мы срывали бурные аплодисменты, обегая кругом двор и держа руками друг друга за плечи. Мы умели подпрыгивать и кружиться.

Торговец готовыми лекарствами, плешивый малый в нечистой белой косоворотке, немного знавший по-турецки и по-английски, обучил нас нескольким фразам на этих языках; и затем пришлось демонстрировать наши таланты зачарованной публике. Те распаленные лица еще преследуют меня в ночных кошмарах, ибо они являются всякий раз, когда у постановщика моих снов возникает нужда в статистах. Я снова вижу гигантского бронзолыкого пастуха в разноцветных лохмотьях, солдат из Караца, одноглазого и горбатого армянина-портного (тоже чудище в своем роде), хихикающих девчонок, вздыхающих старух, детей, молодых людей, одетых «по-западному» – горящие глаза, белые зубы, черные раззявленные рты; и разумеется, дедушку Ахема с носом желтой слоновой кости и в серой шерстяной бороде, он правит представлением или считает засаленные бумажки, облизывая большой-пребольшой палец. Языковед, тот самый, лысый, в вышитой косоворотке, обхаживает одну из моих теток, но сквозь очки в стальной оправе с завистью поглядывает на Ахема.

К девяти годам я совершенно ясно осознал, что мы с Ллойдом – редкостные уродцы. Это знание не возбудило во мне ни особенного восторга, ни особенного стыда, но однажды истеричная стряпуха – усатая женщина, сильно влюбившая нас и сострадавшая нашей участи, – объявила со страшной божбой, что сию минуту и не сходя с этого места она нас вызволит, развалив надвое блестящим ножом, которым она вдруг замахала по воздуху (дедушка и один из наших новоприобретенных дядьев быстро ее скрутили), и после этого случая я часто утешался праздной мечтой, воображая себя неведомо как отделенным от бедного Ллойда, неведомо как оставшегося чудищем.

Происшествие с ножом не оставило во мне сильного впечатления да и как бы там ни было, тонкости разделения оставались для меня весьма туманными; но я отчетливо представлял, как тают мои оковы, и какое за этим следует ощущение легкости и наготы. Я воображал, как перелезаю ограду – с выбеленными черепами домашних скотов на кольях – и спускаюсь к берегу. Я видел, как прыгаю с камня на камень и ныряю в мерцающее море, и выбираюсь обратно на берег, и лечу вдоль него с другими голыми детьми. Мне это снилось ночами, – как я сбегая от бабушки, унося с собой игрушку или котенка, или маленького крабика, прижав его к левому боку. Во сне я встречался с несчастным Ллойдом, он ковылял, безнадежно привязанный к ковыляющему двойнику, а я привольно плясал вокруг и лупил их по согнутым спинам.

Интересно, навещали ли и Ллойда такие видения? Доктора полагали, что мы иногда сливаем во сне наши сознания. Одним голубовато-серым утром он подобрал с земли прутик и нарисовал в пыли трехмачтовый корабль. Чуть раньше, ночью, я видел, как сам рисуя такой же в пыли моего сна.

Просторная черная бурка покрывала нам плечи, и когда мы приседали на корточки, все, кроме наших голов и руки Ллойда, скрывалось в ее спадающих складках. Солнце только встало и резкий мартовский воздух стыл слоями сквозистого льда, по которым пурпурными пятнами плыло кривое иудино дерево в буйном цвету. Длинный белый дом спал за нашими спинами, наполненный жирными женщинами и их дурно

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru пахнувшими мужьями. Мы ни о чем не сговаривались, мы даже не взглянули один на другого, просто Ллойд отбросил пруток, обнял меня правой рукой за плечо, как делал, когда хотел, чтобы мы шли побыстрее, и волоча среди мертвых трав край нашего общего одеяния, мы стали спускаться к берегу по дороге, обсаженной кипарисами, и камушки потекли из-под наших ног.

То была первая наша попытка приблизиться к морю, которое виделось нам с вершины холма мягко светящимся вдаль и в ленивом безмолвии бьющим о лоснистые скалы. Мне нет нужды напрягать память, чтобы связать это спотыкливое бегство с решительным поворотом в нашей судьбе. За несколько недель до того, в наш двенадцатый день рождения, дедушку Ибрахима осенила мысль отправить нас в обществе новейшего из наших дядьев в полугодовое турне по селам и деревням. Целыми днями они препирались насчет условий, ссорились и разошлись, и Ахем победил.

Дедушку мы боялись, а дядю Новуса ненавидели. Видимо, мы на свой туповатый и жалкий манер (ничего не зная о жизни, но смутно сознавая, что дядя Новус намерен надуть дедушку), ощущали необходимость предпринять что-то, что помешает хозяину балагана таскать нас по округе в разъездной тюрьме, будто обезьян или орлов; а может быть, нас просто подталкивала мысль, что перед нами последний шанс насладиться нашей малой свободой и сделать нечто совершенно запретное – выйти за пределы некоей ограды, отворить некую калитку.

Эту хлипенькую калитку мы отворили без затруднений; но не сумели снова захлопнуть ее. Грязно-белый ягненок с янтарными глазками и карминовой меткой на жестком и плоском лбу ненадолго увязался за нами, но отстал, заблудившись в дубовой прорости. Чуть ниже, но все еще высоко над долиной нам предстояло пересечь дорогу, охлестнувшую холм и связавшую нашу усадьбу с береговым трактом. Стук копыт и скрежет колес слышались сверху, и мы повалились в кусты, бурка и все остальное. Когда грохот утих, мы перешли дорогу и стали спускаться по травянистому склону. Серебристое море потихоньку скрывалось за кипарисами и остатками старых каменных стен. Черная бурка становилась тяжелой и жаркой, но мы предпочли оставаться под ее защитой, боясь, что иначе какой-нибудь прохожий может заметить нашу немощь.

Мы вылезли на береговую дорогу в нескольких футах от звучного моря – и тут, под кипарисами, стояла в ожидании знакомая тележка, род двуколки на высоких колесах, и дядюшка Новус как раз выбирался из кузова. Каверзный, темный, нахрапистый, бесчестный человечиска! Несколькими минутами раньше он углядел нас с одной из галерей дедушкина дома и не смог одолеть искушения выгадать на нашем побеге, чудесным образом позволявшем ему завладеть нами без каких бы то ни было криков и драк. Понося двух пугливых лошадок, он грубо подсадил нас в двуколку. Головы наши он затолкал пониже и пригрозил, что побьет нас, если мы попробуем пикнуть под буркой. Руки Ллойда еще лежали у меня на плечах, но колыханья повозки их скоро стряхнули. Колеса теперь похрустывали и вертелись. Прошло какое-то время, пока мы поняли, что наш возница везет нас вовсе не к дому.

Двадцать лет минуло с того серого весеннего утра, но оно сохранилось в моей памяти лучше многих последующих событий. Снова и снова я просматриваю его, словно фильмовую ленту, – подобно великим актерам, изучающим собственную игру. Подобно им, я озираю все вехи и обстоятельства, и случайные мелочи нашего прерванного побега – первоначальную дрожь, калитку, ягненка, скользкий склон под нашими косными стопами. Для вспугнутых нами скворцов мы, наверное, являли редкое зрелище – черная бурка и торчащие из нее две стриженные головки. Головки опасно вертелись туда-сюда, пока, наконец, не добрались до прибрежного тракта. Если бы в эту минуту на берег соступил с корабля, вставшего на якорь в заливе, какой-нибудь чужестранный искатель приключений, его, пожалуй, прохватил бы озноб древнего волшебства, столкнусь он среди кипарисов и белого камня лицом к лицу с кротким мифологическим чудищем. Может быть, он поклонился бы нам и пролил бы сладкие слезы. Но увя – встретить нас оказалось некому, кроме того нервного вора, нашего озабоченного похитителя, человечка с кукольным личиком в дешевых очках, одно из стекол которых было наспех подлечено пластырем.

Итака, 1950

Примечания

1 Область пупка, подлежащая рассечению по диафрамме.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Сцены из жизни двойного чудища. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!